

Расшифровка интервью

Дата: 22.11.2022

00:00:01

А что я могу рассказать про своего отца? Вообще, я его совсем не видела. Я родилась 12 октября, в 1937 году, а папу арестовали 15 октября 1937 году. Всё. [Нрзб] Только по рассказам матери, какой был у меня отец. Старший брат хорошо помнит отца, а я нет. Не видела. Он меня видел только три дня. Считали, враг народа, а за что, причины никто не знали. Арестовали много глухих. Все боялись спросить, что случилось, может, тоже меня арестуют. Все молчали. Молчали долгие годы. Мама искала, спрашивала, спрашивала в НКВД, за что отца арестовали. Никто не отвечали. В 1956 году мама получила письмо о том, что папа умер в 1943 году в городе Ленинграде. На этом дело закончилось. Через 10 лет, мама снова, в 1969 году, сделала запрос: где находится отец? Что он, в тюрьме сидит, что ли? Опять прислали свидетельство о смерти о том, что он умер в 1943 году, 10 ноября. Всё. Когда я поступила в техникум в Ленинградский восстановительный центр, культурного просвещения отдел, и однажды съездила в Дом культуры для глухих, там была комната-музей, выставка, я смотрела — там мама, там папа. Они оба работали в Доме культуры. Когда я остановилась, смотрю фотографии, много, а там в центре сидит папа. Странная одежда. Немецкая форма. Удивилась, смотрю. Подошел Гинзбургский Яков Львович: «Кого вы ищете?» Я показала: «Вот, Золотницкий? Золотницкий?». — «Да. Кто вы?» — «Я дочь». — «А мы не знали, что у него есть дочь. Мы знаем, что сын». Да, старший брат, у меня четыре года, я тихо, всё. Никто не знали, [нрзб]. Да, неизвестны причины, почему арестовали, не только его, а всего 50 человек, [нрзб], 35 расстреляно. А те, кто остались живы, вернулись домой. Никто не знали причину. Он сказал, что на пенсию я пойду в 1975 году. Это был [нрзб] разговор. А в 1975 он на пенсию ушел. Благодаря тому, что он был коммунист. И этому коммунисту разрешили войти в архив, в здание НКВД. Зашел, огромный архив. Очень длительное время, 1975 год, около [нрзб], вот 1990 год, на [этом] протяжении он искал эти 35 фамилий. Находил. Нашел моего отца документы, сделал запрос, мне прислал копию. [Нрзб] после этого, в 1994 году он мне прислал газетные вырезки [нрзб] писателей, о том, что действительно есть такие люди, расстрелянные, фамилии. Там написано было, отец мой, Золотницкий. А это письмо... Но жалко, мамы нет, брата нет в живых, я одна осталась. Решила сама довести до конца, причину выяснить, почему папу арестовали. Написала письмо в Ленинград. [Нрзб] Ответ: «Извините, да, невиновен. В 1937 году 24 декабря в Левашово». Всё, я немножко успокоилась, что он не враг, никакого предательства, никакой террористической деятельности никогда не было. Простой, хороший человек. Это так больно, обидно. И я решила довести до конца. Но в эти годы, с 1994 до 2002 года, с деньгами трудно было, чтобы ездить в Ленинград. А в 2002 году, узнала, что как блокадница, что я блокаду пережила во время войны, имею право бесплатно лететь в Ленинград. Я обрадовалась, воспользовалась. Как трамвай. Утром прилетели. Искала, нашла. А вечером обратно прилетела домой. Когда я нашла... [нрзб] метро, там автобус до Левашово, остановка «Мемориал». Вхожу. Я фотографировала, смотрела. Дом одноэтажный, окна. Я дошла. Смотрю, музей, фотографий много. Стою, смотрю, подошел мужчина: «Здравствуйте! Кого вы ищете?» — «Пока я еще никого не нашла. Хочу найти место, похоронили место где отца, Золотницкий Георгий Семенович». Он смотрит: «А кто вы?» Я не подумала, что надо показать документы, кто я. «Я дочь Золотницкого» — «А давайте документы, паспорт, всё». А у меня фамилия Слатюхина, да, мы же фамилию поменяли. — «Ну когда вы принесете документы [нрзб], тогда примем решение». А где там хоронили... Нет, единственное, холмы, там и там, и там, и много захоронено, нет [нрзб]. «Выбирайте место, где вы хотите [нрзб], сейчас я вас не пущу дальше посмотреть. Когда вы принесете документы...» Всё. Я вернулась домой. Подготовила фотографию, овал, отца. Выбрала зимние, потому что его зимой расстреляли. Не в шляпе, а шапка зимняя, это время точно. Всё подготовила, на следующий год приехала. В то время Наташа училась [нрзб] и она мне помогла вместе приехать в Левашово. И мы с ней нашли, выбрали место, поставили [нрзб], прибили, всё. Документы признали, да, я дочь [нрзб]. Вот это место, интересно, в это время рядом тоже расстрелянный, мужчина. Он говорит, я не поняла. Наташа переводила то, что еще репрессирован, расстрелян. «У вас что-нибудь есть?» У меня ничего нет, я не знала. Да, у меня есть, что [нрзб] невиновен. Должен быть, что репрессирован, какое-то пособие, чтобы [нрзб]. Я не знала об этом, не говорили. Наташа сказала: «Это постановление, дата, номер, домой приедешь, спросишь, [нрзб], проверит». Только от него я узнала, что я пострадавшая политически. Но письмо получила, да, признали, уже всё официально, меня и брата, что репрессированны. Ну брата нет в живых, я только осталась. Потом оформили, они все молчат [нрзб], самой надо добиваться. Это годы прошли. Что-то мне не хватало, что-то надо было... Никто. В доме глухих не интересовались. Гинзбургский активно всё делал, ему надо благодарность делать. В 2004 году он меня попросил что-нибудь от моей работы... Колоссальную работу сделал: 35 нашли, выяснили, это колоссальная его работа, это надо оценить. Но никто об этой теме не говорят. Я решила сама написать в редакцию. Они не хотели принимать, потому что я человек очень не

удобный, в глаза правду говорю. Действительно, что так и есть. Равнодушные, не интересуются. Люди, никого нет, я одна, кто-то еще есть, дети пострадавших, никого нету. Когда сказали, что надо это самой добиваться, я просила, [нрзб] приходил сюда домой, меня снимал, ну так же — не то. Нет опыта, нет правильности, стоит, мне не понравилось. Ну что-то немножко есть, вынесла видео о репрессированных. Гинзбургскому, ему спасибо, я хочу вынести, что нашел моего отца и людей. Всё. А дальше, я не знала, кому. Никому не интересно. Итак. Всё равно. Просишь: помогите переводить, репрессированным глухонемым, местные, [нрзб]. Я приходила, помогала, рассказывала, всё. Они спрашивают: «А почему вы не [нрзб] отца [нрзб]». А у меня здесь никого нету. Только в Ленинграде [нрзб], там. «А почему вы туда не обратитесь?» Я туда обращалась, им не интересно. Я говорю, я здесь живу с 1951 года. Болезнь, голод, всё болело. Сырость, голод, мне там негде жить вообще. Рекомендовали: переезжайте в [нрзб], климат сухой, [нрзб], сухой климат — вот это вам хорошо будет. Я так и осталась здесь. На протяжении годов менялась в жизни обстановка, ездила в Челябинск и так далее, в театр, поступала в Москву. Всё это я прошла. Дальше. Я потихоньку смотрела, что-то надо, что-то надо. Добилась. Книгу. Там мне сказали, будем решать [нрзб] люди, расстреляны местные, а вы единственный [нрзб] чужой человек, не у нас расстреляли. «Пожалуйста, ради меня... Никто не делает. Я хочу вынести на свет, чтобы все знали про моего отца». «Хорошо, подумаем, решим». Так неожиданно решили книгу написать про отца. Я так обрадовалась! Есть в жизни свет, люди будут читать [нрзб], глухонемой и всё, такого не было, это единственная группа. Гинзбургский, он в этой последней болезни, я ему сказала, что «это вы молодец». «Ты сильная, смогла, добилась». Да, я стараюсь. Он попросил, я пришла в музей, показала газету, «Волна», специально для глухих газета, выпускается в Ленинграде. Вырезка про репрессированных, фамилии, и отца там. Ходила к директору музея. «Нет-нет-нет, честно, места нет, невозможно. Нет-нет-нет». «Пожалуйста, пойдите мне навстречу. Вы представляете, всё это случилось, миллионы, слышащие все, ну инвалиды слышат, но это совсем глухие». Найдите, очень интересная история матери. Она родилась в семье, отец и мать — оба врачи. Мама — первый ребенок, родилась глухонемая. Отец не мог поверить. Вся семья говорящая — и вдруг дочка глухонемая, в чем дело? Отец начал интересоваться и копал три года. [Нрзб] в [18]60-[18]70-е годы семья была глухонемые. Столько лет прошло — мама. Переживал дед, очень любил свою маму... Дочку свою. Специально пригласил гувернантку, которая всё знает с языка. Предметы, всё. Она с ней обучалась 15 лет, домашнее обучение. Говорит в сто раз лучше, чем я. Мне говорят: «Татьяна Георгиевна, у вас мать прекрасно [говорит], чистый голос [нрзб]». Вот, а у меня неправильные окончания, неправильно... Я не слышу. Никто не исправляли. Благодаря мужу, он начал меня исправлять. Я еще удивлялась: странно, иностранка, что ли. Вот так эта мать выросла, в школу сдала экзамен. Отец просил директора: «Примите мою дочь — Лёля звали — чтобы она сдала экзамен». Сдала экзамен. Удивились все, она по губам прекрасно читает. Защитилась, аттестат получила, поступила в рабфак. Там группа была — глухие. Мама не знала мимику. Там научили. Ее назвали Лёля, кличкой такой. Она мешала всем: «Как эта, как эта мимика, как, как?» Ее привели в Дом культуры Общества глухих в Ленинграде. Это здание, Анна Федоровна, [нрзб] царевна, она подарила это здание для глухих инвалидов. Там всё: [нрзб], швейные и разные предметы, там просвещение, театры, концерты, проводят мероприятия, всё там в этом доме. Улица сейчас Набережная Английская, а в той стороне улица Труда, дом 5. Вот здесь собирали. Мама пришла [нрзб] и папу встретила. Папа влюбился в маму, не знаю, она понравилась, несмотря на то, что он женат и двое детей. Ему смешно, мама плохо знала мимику, неправильно показывала мимику. Он начал учить маму. В 1933-м или 1932-м. В 1933 году папу отправили в командировку в Новосибирск, в Новосибирске. Там надо было поднять общество глухих, малограмотные, обучить более грамотному, как привести общество глухих, создать. Мама бросила рабфак, с папой доехала там, там Юру, брата, родила, и ему было три или пять месяцев, дело закончилось, вернулись в Ленинград. Все считали — Ленинград, а на самом деле в Новосибирске родился. Всё, они вместе работали, вместе участвовали, всё вместе. Нормально всё было. А Юра [нрзб] три года... Глухонемой родился, чисто, стопроцентный глухонемой. Ну всё, папа, мама глухие чисто, и в наследство... А первые дети — это те, оба слышащие нормально. Так получилось. В эти годы [нрзб] начинают глухие организовывать организации. Более грамотные люди активно ездили по областям, в разные города, и направляли, организовать, поднять. Приходит, [нрзб]: где глухие живут? Назвали адрес, собрали, [нрзб] помещение выделили, [нрзб] поднять культуру и условия труда, условия жизни для глухих. Их работа такая. И так [как] мама грамотная женщина, по губам читает, говорит хорошо, ее использовали очень сильно. Вот когда посвятить [нрзб] работе. Она учительницей работала долгие годы, здесь, в заключении учительницей обучала арестованных глухонемых, учительницей. Вот вся ее жизнь была. Вот такой маленький случай был. [Нрзб] дом отдыха для глухих. Меня направили временно поработать, решали вопрос, разрешить мне учиться театрально-художественным глухих жестам, я очень любила искусство, художественным занималась много. Договорились, я согласилась, приехала в [нрзб]. И это было зимой, приезжали пожилые люди, пенсионеры. Интересный рассказ, я выступила, начала рассказывать, все сидят слушают. А первый ряд сидит, и две бабушки [нрзб], плачут, плачут. Я не растерялась, продолжала рассказывать. Закончила: «Девочки, что случилось, почему вы плачете?» [Нрзб] рассказ, это есть и в истории рассказ. «Вы дочь, Золотницкая?» — «Да, моя фамилия Золотницкая. Да». «Ты видела папу?» —

«Нет, я не видела, вообще не видела. Вообще». Я говорю: «Я родилась 12-го, а папу арестовали 15-го. Он меня видел, да. Мама в окно показала меня — всё». — «Сто процентов копия отца. Мы все с Дома культуры только твоего папу, приходили полные залы, так интересно рассказывал. [Нрзб] одинаково, ходишь, ходишь, [нрзб] смотрим туда, смотрим туда». Я не могу на одном месте стоять, говорить, мне надо движение свободное. [Нрзб], как будто кино показываете [нрзб] папу, [нрзб] а папу [нрзб]. Это у папы в этот день дежурство, он приходит рассказывает. Он приходит. Вот так вот. Я копия отца. Руки, движения — сто процентов. Я его не видела [нрзб] внушила, я не знаю, спасибо большое. Жалко, жалко, папу [нрзб] услышала, и мы не знаем ничего, это 1958 год был, еще не знаем причину, где папа, что случилось, неизвестно. Всё говорят: расстреляли, враг народа, террористические всякие, я слушать не хочу. Всё. На этом закончилось, это единственные двое сказали, сказали, они пожилые уже, а молодые тогда — всё.

00:19:23

Расскажите подробно всё, что знаете о моменте ареста. Как это происходило? Мама же рассказывала?

Она же в роддоме лежала. Выписали домой, пришла, а отца нету. Всё. Вот смотрите, 12-го я родилась, а папу взяли 15-го. С 14-го на 15-е ночью. Меня выписали где-то 18–20 октября домой. Папы нет. В чем дело, что случилось? Она переживала, почему не приходит. Бабушка не говорила, молчала. Домой пришла и рассказала. Ночью пришли. Кожаные куртки, в шляпе, [нрзб], папу взяли, всё без разговоров, он не понимал, в чем дело. Маленькие двое, а он выше, высокий. Его повели. Всё. Она в окно посмотрела, мы на первом этаже жили, посмотрела, машина черная такие его туда сунули и уехали. Всё. Бабушка сказала. Мама не могла понять, в чем дело. Спрашивала, спрашивала — никто не говорили. Начались разговоры. шли, шли, пока Гингзбургский нашел. Да, еще интересно. В 1947 году, я еще помню, мы вернулись обратно домой... В 1946, где-то к Новому году. В это время в Москве жили у бабушки... Ида. Бабушка Вера, бабушка Ида сестры. Бабушка Вера в 1944 году умерла в Москве, наша. А эта Ида жила в Москве, метро «Кировская» рядом. Ну вот. Что я перебила... А, вернулись, мама зашла в Дом культуры, как там всё, на работу надо устраиваться, всё. Ей сказали, вот Кисель фамилия, Кисель. [Нрзб] жидкая, это кисель называется, дома. Мама знала, что с папой вместе работали. Мы пришли в гости, мама: «Сиди спокойно». А мне было 10 лет. [Нрзб] вот сидит за столом, жена хлеба намазала, положила. Ленивый, сам может намазать. А когда руку поднял, мне страшно стало: здесь порванное, изломанное всё, шишками всё, уродованное. Такие пятна. Мне страшно. Я увидела, мне показалось [нрзб]. Жена возьмет хлеба и подаст ему, откусит, положит, пьет, вот так помогала ему. Он сидел вместе с папой. Он рассказывает маме, я немножко так поняла. «Ваш муж очень нежный, чистюля. Он не может выдержать [нрзб] всё. Его пытали, он всё соглашался, да, да, да, лишь бы его не били, лишь бы его не ломали. Все соглашался. Я — нет, я жив остался, меня не расстреляли». А папа - нет, он всё соглашался, подписывал всё. Вот это такой короткий случай. И тут я запомнила. Мама. Вот такая судьба.

00:22:40

Мама выходит из роддома с вами. Отца нет. Что дальше происходит с ней и с ее детьми? С вами и с братом. Что дальше происходит?

Как жили. В школе учились специальной для глухих. Мама работала в Доме культуры. Кем она — швейей или что там, не знаю. Но ее часто отправляли в область, поскольку она грамотная, поднимать, поднимать общества глухих. Создавать... Ну как раньше говорили, помещение, а не [нрзб]. Помещение для глухих, чтобы собираться. Вся ее жизнь. А когда... 1951 год, очень тяжело я заболела, всё. После блокады сырость, голод, всё. Врач сказал: «Лечить ее бесполезно, ревматизм». Кость трогать даже больно. У меня ничего нету, а мне больно: «Убери, мешает». И так далее. Потом еще посоветовали... «Смысла нет ее отправлять в санаторий. Снова вернется, а кругом вода, сырость». Рядом у нас река, там река рядом. «Нельзя ей жить здесь». Рекомендовали Свердловск. Самый лучший город, культурный, там есть школа для глухих специальная для детей и так далее. Мама согласилась. Швейную машину продала. Вместе с братом уехали. Я помню, август, 1951 год. Приезжаем, трамвай, деревянный вагон, улица Толмачёва, остановка «Угловой магазин Гастроном». Зашли, сумки поставили, сидим. Что делать? Адрес искали, там есть, была такая книга толстая, фамилия Кунин [нрзб]. Наш дедушка по фамилии Самуил, а этот [нрзб]. Наш дедушка младший, пять братьев у дедушки. У меня есть специальная... династия... семейное [древо]. Последние Наташа и Вова, [нрзб], дальше я не стала делать, [нрзб] они пусть заканчивают сами. Там это на улице Декабристов, дом такой-то. Мы пошли. Ну спрашивали, где эта улица, где это — указали. Через мост, Декабристов. В это время дома были деревянные, двухэтажные. Идем, идем, а дома такого нету. Не сообразили посмотреть во дворе. Дошли, нету. Обратно вернулись в «Гастроном», магазин. Сидим, что делать? Я говорю: «Давай позвоним, позвоним». Попросили кого-то, показали, позвонить, что мы здесь. Позвонили, сказали. «Ждите, приеду». [Нрзб], это сын, дедушка [нрзб] стоит, я смотрю... «Вы не слышите?» «Мы не слышим». «А, пошли-пошли». Он

сердитый такой. Сели на машину, приехали: а, во дворе! Мы здесь ходили. Ума нету, ума нету. Зашли, а дедушка сам больной, лежал в постели. Я подошла, обняла, он так плакал: «Никто меня не обнимал. Больного все боятся». Еще дочка была, Наташа зовут. Август. Что делать? Юра не догадался, надо было меня устроить в школу глухонемых. Не знаю, что так получилось. Они решили, меня отправили в начале в Полевской, Свердловская область. Специальный детский дом [для] умалишенных [нрзб]. Я смотрю: куда я попала? И смотрю... А мне 12 лет было... 13. Я смотрю, стою смотрю: что-то не то. Я нервничала, как рассказать Юре, что я здесь, у меня есть брат. И слушать не хотели. Они видят, что я им не подхожу. Нормальная я, реакции, смотрю — всё нормально. Решили, меня отправили в Ревда. Детский дом. Ревда, Свердловской области. Меня посадили в машину, привезли, никому не сообщили, где я. Юра искал, спросил: «Где Таня?» — «В детский дом отправили». Приехал в Полевской: «Где моя сестра?» Вот рассказываю. «Мы отправили в Ревда». Юра приехал через пять-шесть месяцев. Он нашел меня в детском доме. Я обрадовалась, как... «Ты пока здесь живи, здесь пока. Я еще не устроился, на работу устроюсь, и общежитие, поваром у вокзала, общежитие железнодорожное, там неудобно, ты живи пока». Год я училась в школе в четвертом классе. Ребята видели, что у меня недостатки физические — слух. Учительница здесь говорит, я вижу, а она уйдет туда — всё, я ничего не могу. Хоть бы она мне показала учебник, о чем говорит. Так тяжело было! Перешла в пятый класс. Я хотела в школу глухонемых, для меня подходит. И говоришь много непонятно, говорят: «Дома читай, читай побольше, чтобы речь развивать, дома, дома». Я домой прихожу в общежитие, в этом детском доме, сижу и книгу читаю вслух. Кому-то надоел мой голос, взяла книгу, как — бух — по голове. Всё. С тех пор я ни разу не читала вслух. Всё. Ой, больно голове, как ударила по голове. «Замолчи!» Всё.

00:28:44

Извините. А я не поняла, почему вы оказались в детском доме.

Это благодаря дедушке [нрзб].

00:28:51

Но мама, мама же живая. Вы приезжаете вместе.

А мама в Ленинграде пока еще жила.

00:28:58

А можно чуть-чуть рассказать, как вот вы так разъединились?

Мама отправила нас раньше туда. Когда Юра нашел и увидел, что всё, я больше не буду здесь учиться, а еще... Это было в Ревде. Мужчина и женщина всё время сидели на скамейке. Мы из школы возвращались, сидят смотрят. Вот [нрзб] я не помню, говорят: «Вас хотят удочерить. Это родители хотят. Вы похожи на ее дочку». Я говорю: «Нет, мама у меня жива, у меня брат есть. Я не пойду». А она меня хватает, я говорю: «Не надо, у меня мама жива, у меня брат есть, я не пойду, не пойду». — «Доченька, ты моя доченька, так похожа, она у меня умерла...» Я говорю: «Нет-нет». Целую неделю ходили, приставали. Я говорю: «Не пойду». Юра приехал, я говорю: «[Нрзб] меня могут удочерить не спрашивая. Пожалуйста, срочно меня заберите». — «Обязательно, обязательно». Где-то весной он меня забрал. Документ какой-то, что имеется жильё, имеется работа, брат старше на четыре года, разрешили, забрал.

00:30:02

Извините. А мы можем вернуться еще к отцу, да? Вот когда его арестовали, да? Маму вызывали тоже на допросы? Как вы оказались в ссылке? Вот это период меня интересует.

Маму арестовали...

00:30:15

Еще, еще разочек.

Маму арестовали даже со мной, но бабушка украла меня, спрятала. Они шли к машине, мама несла меня, бабушка бежала и упрасивала, ну там полицейские или кто, упрасивала: «Мама глухонемая, что куда-то надо, ребенок тоже глухонемой, что же делать, пожалуйста». — «Быстрее, расстегни пуговицы пальто». Мама расстегнула, сунула меня, мама так — раз, и меня унесла. Всё, увезли. Я с бабушкой жила. Она пригласила няню. У меня там фотография няни. Я ее считала мамой. Полтора года мамы не было. Няня — мама. Брата удалось спрятать, где-то он остался. Считаю, эта семья — нету. Когда мама поменяла фамилию — Унина — ее отпустили домой, она приехала, я ее не признавала. Юра помнит маму, я — нет. Долго, потом

привыкла к маме. Когда арестовали маму, неизвестно было, куда отправили. Дедушка искал, спрашивал в НКВД: «Куда мою дочку отправили? Глухую с ребенком, куда отправили, где?» Долго ждали, искали, потом дали ответ: «Вашу дочку отправили в Томск. Без срока, на 10 лет». Такой закон. Как враг народа. На 10 лет без переписки. Тогда дедушка начал хлопотать, чтобы ее освободили. [нрзб], там все только слышашце, мама была одна глухая в Томске. Добивался очень долго. Через [нрзб], и тогда в 1939 году предложили: «Давайте лучше, чтобы она поменяла фамилию. Вернуть свою девичью фамилию Унина. Золотницкий убрать. Тогда она к этому делу не относится, Золотницкому». И освободили. Она согласилась, с трудом, но согласилась, подала на развод. Развод получила, факт — фамилия Унина есть, и ее отпустили домой в 1939 году, под Новый Год приехала домой. Мама об этой теме не хочет говорить. Она говорит: «Тяжело было, шинели шили и специальные [нрзб] защиты, вообще грубые материалы, шинели шили, всё это в заключении. Очень тяжелая работа». Всё, она больше ничего не говорила. Вот она вернулась в Дом культуры, там, где она работала, вернулась. Работала нормально, все условия. Я в школе училась, Юра учился вместе в этой школе глухих. Когда в 1943 году первую отводили дорогу от блокады, нас сразу отправили в товарные вагоны из города Ленинграда в Туркмению. Вместе с бабушкой Верой. Юра, я, мама, бабушка — четверо. Попала под бомбежки, страшно-страшно [нрзб] я это помню — забыть невозможно. Своими глазами я видела, как бомбили, люди... Жуткое... [Нрзб] земля, всё. Мама живая, Юра жив, все, [нрзб] «Мы здесь! Здесь!» А там увидели, махали: «Давай, давай быстрее!» Мы побежали-побежали, в последний вагон. Нет, нет, нет. Наш вагон. [Нрзб] Медленно-медленно. Вот так мы приехали в Туркмению, ночью. Город Мары, я помню. [Нрзб] там нас встретили, [нрзб]. Тележка, то-то-то, я, Юра [нрзб], можно тащить. Он сильный, сильный. Ночью шли-шли, не знаю, я не могла уследить, устала. Какое-то место, посадили, приехали, ночь же, не видно, темно. Какой-то дом, а это Наташин. Пол — камни. «Ложитесь спать». Мама тут, Юра там, я здесь, лежу... Собака. Мама: «Тш-ш-ш». Юра: «Кыш! Кыш!» А все говорящие проснулись, говорят: «Кто это кричит?» — «Собака!» — «Ну и что? Понюхает, понюхает и уйдет». И утром не предупредили, что выходить на улицу босиком нельзя. Я вышла: «А!» Ожог. Песок горячий. Нельзя босиком. А сказали бы, что нельзя. Яйцо показали, положили — всё, готово. Жара невозможная. [Нрзб] жара. Я заболела тяжело. Мама добивалась, все говорящие, мы только трое глухие. После того, как я заболела тоже, добились, разрешили, нас отправили в Москву. Мама устроилась на завод в Москве. Бабушка от этой болезни умерла, а меня отправили с воспалением легких в больницу. Месяц лежала, я помню. Если бы мама осталась в Москве вообще на заводе, могла бы получить квартиру, остались бы жить в Москве. А брат: «Нет, в Ленинград, в Ленинград». Его отправили в школу, в Люблино. Люблино, Московская область. Он там учился, 13 лет ему было, 13... Тайком убежал, зайцем сел на поезд, как, не знаю, доехал в Ленинград. Вышел на вокзале Московском. Стоит, смотрит, куда идти. Случайно двое, моряки. Простые офицеры, не знаю, но моряки. Смотрят, говорят-говорят, а он: «Я не слышу, я не слышу». — «Что?» — «Домой, домой». — «А куда? Что это?» — «Вот статус. У меня есть фотография». — «Ладно, садись». Ехали, ехали. «Нет, нет, нет, нет... вот!» Глинка. Там мрамор... Пол мраморный. Мы с [нрзб] играли, шарик двигается всё время. «Вот, вот! Вот домой мой. Вот, вот!» — «Дом?» Остановили, пошли, во дворе... «Булка. Булка» — в угловой булочная. Там у меня карточки украли, месячные. Вошли, в ворота вошли. «Вот, вот мой дом». Открыли, зашли, смотрим. У нас было семь комнат до войны. Там жили мамины братья — Вова, Гера, оба погибли — дедушка, бабушка, я, Юра, мама и папа. Все там жили. Семь комнат. Заходят. А все сидят, ЖКО. Все смотрят. «Я... Мой дом. Ну да. Я вот там спал. Там. Комната поменьше. Там». Он не узнает [нрзб] Оказывается, что дом наш, рядом дом разбомбили, мы отсутствовали и у нас дом [нрзб], отсутствовала, полностью там дом разбомбили. И сказали: «Ваш дом разбомбили, мы вас не отпускаем, куда вы идете, жить некуда, здесь живите». Это я помню. Юра: «Я здесь. дом мой. Здесь, здесь, здесь». Они потребовали справку, что дом в целости. Они имеют право вернуться домой с блокады. Написали справку и выдали. И они проводили Юру, купили билеты, нормально посадили, покушать положили. «Смотри, не убегай». — «Спасибо! Спасибо!» Приехал домой: «Мама, домой, домой! На!» Документ есть, дом есть, всё-всё-всё. Как? Мы искали, в школе [нрзб] тогда, два дня было только всего. Зашли в специальное бюро пропуска, это разрешение в Ленинград показали. Всё, дом целый, соседний дом, да, взорвали, а этот целый. Они имеют право домой, всё. Разрешили. Мы приехали. Освободили две комнаты постепенно, соседи, будем жить [нрзб]: «Нет, мы понимаем [нрзб]». Соседи спокойно, всё. Так, понимаете, ну как-то обстановка, тяжелое было время, всё. Голод, питание, 1946 год. В школу пришли, мама работала. Ну кто как. Во время войны, дедушке спасибо, мы выжили. [Если бы] не дедушка, мы погибли бы. Мама уходила на завод. Дедушка как-то мог достать... Я ненавижу селедку. Селедку. Приносит селедку, приносит. И морковь вареная — ненавижу. Приносит, что может. А так получилось, Юра всегда сам ходил покупать поесть, хлеб и карточки. Получили. Юра думал-думал. Я говорю: «Ну давай, Юра» [нрзб] Юра, брат: «Отрезать маленький, дать — ты потеряешь. Бумажка улетит, и всё. А целый [нрзб], продавец сама обрежет, держи крепко». Завязал шарф. Мама вшила в руки вату. Шарф. Я пошла рядом в угловой, очередь, плотно стоят. Я встала последняя и держу вот так. О! [Выдернули из рук] Я крикнула: «Дай, дай, дай!» Убежал. Ни один человек, чтобы отойти, помочь поймать, талоны отобрать. Никто. Плотно держали. Потерять, отойти, а обратно невозможно. [Нрзб] 120 грамм, нас трое, 360 грамм хлеба, всё, нет. Молчат. А продавец не

касается. Я вернулась домой, Юра: «А где?» [Я говорю:] «У меня украли». [Нрзб] показывает, что надо было спрятать, ой... Надо было прятать. Всё. Что делать? Голод, всё. Сахар, хлеба, масла, я не помню, но помню, что хлеба нет, всё. Как дедушка узнал, я не знаю. Он каждый месяц два раза приезжал, приносил [нрзб] селедки. Поставили [нрзб] один раз, позвали соседей, пошли в убежище. Пришли, никто на нас внимания... Толкают, говорят: «Ничего не понимаете?» — «Нет». Всё, больше мы не ходили в убежище, всё время дома сидели. И случайно, Юре любопытно, окно открыл, вдруг пришли двое, военные. Говорит, а мы сказали: «Мы не слышим». — «Открывать нельзя, закрой! Всё темно, а просвет — бах, свет». Поняли: просветы есть — бомбят. «Всё-всё-всё». Сидели, дрались, ссорились, сидели, всякое... Мама вроде плачет. Стол был хороший, классный [нрзб] как даст! Разбили, топили. Стулья, что еще было, газеты, этажерка, разбили и топили, потому что такое было, что нету хлеба, печка горячая, поставит. Вообще тяжело было. Но мы выжили.

00:42:37

В каком возрасте вы узнали, что отец был арестован, что вообще семья у вас репрессированных, когда заговорили об этом вообще?

Ну это я уже в 1947 году, когда увидела этого товарища Киселя, увидела живого. Когда ему в НКВД руки ломали. Вот это я узнала... Ну что расстрел [нрзб] я узнала, только когда маму спрашивала... [19]56 и [19]69. А вот Гингзбургский, когда я зашла в музей, я тоже ничего не знала, вижу папу, всё. Он нашел дело. Вот он мне прислал, вот это [нрзб] в 1994-м я узнала, что отец невиновен. Вот это я узнала. И начала самостоятельно действовать.

00:43:24

Получается, до музея, до вашего похода в музей, разговоров вообще не было?

Нет, нет, не знали. Говорили, что отец там есть, мы видели, он высокий. Мама верила, он живой, где-то в Узбекистане, разговоры, сплетни всякие. Потом оскорбляли, шпионка, террористический и так далее. «Не обращай внимания, — мама говорила. — Не обращай внимания». А потом, когда свидетельство о смерти получили в 1956 году и в 1969 одинаково — смерть и смерть, и всё, — мы успокоились, что папа умер, всё. Гингзбургский нашел, прислал, доказал, что отец расстрелян, невиновен. Всё, после этого я начала действовать, занялась спасением, вынести, чтобы больше знали, что случилось с этими, 35 человек. Как другие, я не знаю фамилий. Я слышала, что... Еще одно было обидно, в каком смысле: делали, деньги я собрала, отправила Гингзбургскому, чтобы сделать памятник для репрессированных глухих. Что-то не получилось, хотели обратно прислать деньги, мы отказали: «Оставьте на свои расходы». Всё-таки Левин Лёва, я его знаю, отец и мой отец дружили. [Нрзб]. Дело в том, что тебя арестовали, ты с кем дружил, [твою] назвали фамилию, приехали, арестовали. Тебя [спрашивают]: «С кем ты дружишь?» Приехали, арестовали. Больше, больше, больше, и папа тоже попал. Кто-то там написали: «Сообщите своим: не называйте своих друзей на воле, а только называйте тех, кто уже арестован». Прекратили. Вот 35 человек, прекратили, остановили, дальше не тронули, не указали. А это пострадали. [Нрзб] все были живы, вы сами вызвали, ребята, поругали, [нрзб] и вообще, не надо было выносить, все были живы, а вот [нрзб] после того как его расстреляли тоже. В 1947 году в школе в Ленинграде начали проверять слух. Я вообще не слышала, тишина совсем. Начали проверять. У меня ухо проверили, ну там что-то показывали, я не поняла. Сейчас я знаю: сера, грязное. Вытащили, всё чистое, тихо, не слышу. А это вытащили: «Ах, холодно, холодно! Холодно! Что-то слышу, слышу, слышу!» — «Всё-всё-всё, успокойся, успокойся. Слышишь?» — «Да». [Нрзб] Вот так пошла-пошла, хлоп — а я повернулась. Хлоп, я ушла, а она там хлопает, она спокойна. Так оказалось, что я слышу. [Нрзб] я не знаю, но нашли, что у меня никогда не было гнойное, не было никогда. Просто слышу, грязное закупорило и не слышно, а вытащили — всё. «Ты ухо побереги. Учись прислушиваться. Самолет летает». — «Где?» — «В небо посмотри». А я не слышу. Только поближе, ближе, ближе. Надо учиться прислушиваться, прислушиваться. Где-то, я не помню, еврейское общество... У меня мама еврейка, папа русский, ну я чуть-чуть еврей. В специальную школу не принимали евреев. Переименовали в православный старорусский. Ну фамилия польская, а евреи — Золотницкие, и в школу поступил. Гингзбургский тоже, он в Польше родился, глухой, заболел, там в школу не принимали. Переехали в Ленинград, он поступил и подружился с папой. Когда говорят, что надо переводить, помоги нам, много евреев, это надо. Неоднократно мама говорила: «Я не хочу связываться с евреями. Вообще я не знаю обычаи. И иврит, я так плохо говорю...» В Москве я пошла в «Детский мир», в цоколе, там продавали яичницу. Я стою, и у меня платок, пальто, всё. А я не знаю, как называется. Подставка. Очередь. А там, я слышу чуть-чуть, а эта: «Вы что не понимаете? Она иностранка, она не знает русского языка. Вы что не понимаете?» Я показала: «Вот-вот-вот, шесть штук». Ложки, у меня ложки [нрзб], а яйца те разбили, ладно. «Что-то вы говорите, наверное, Прибалтика?» — «Нет, я Ленинградка». — «Это странно. Вот вроде наша, смотрю, что-то непонятно». Никто меня не учил. Мама не слышит, чисто говорит, спасибо гувернантке [нрзб], меня никто не учил. В школе я просила, специально ездили.

Логопед. Шинный завод у нас. [Нрзб]: у-у-у. А что это «у-у-у»? Мне не надо, мне надо речь развивать. «Это начальная проверка, как вы слышите». Я этим не слышу совсем, сто процентов, [нрзб]. Дети как — а дети смотрят, как мама спит: левое открыто. «Мама!» — кричит, я проснусь, а это я закрою — будит. Так дети поняли, что я слышу только... Всё, останавливаемся. Я наклонила в другое место. Ладно, я вам только расскажу, я вообще никому не говорила. Был такой случай в 1937 году, в августе. Мальчик, где-то 10 лет, живет в Левашово, в деревне. Он и удивляется, ночью машины: у-у-у, ж-ж-ж, ж-ж-ж. Каждую ночь. Что такое? Он вышел на улицу, посмотрел, машина закрытая — «Молоко», проезжает, вторая проезжает — «Хлеб», проезжает — «Мясо». Странно. Так подобное несколько дней. Он не выдержал, ночью так начал бежать по лесу, рядом дорога. Пробежал около трех километров. Уткнулся в забор. В щели посмотрел, страшно, не поверил, чуть-чуть не закричал, закрыл рот. В военной форме, несколько на коленях, в затылок стреляли. Он увидел, не мог поверить. Это наши, военные, а это люди... Понял: это машины привозили каждую ночь. Обратно бежал-бежал домой: «Мама, мама, там убивают! Наши военные убивают! Ты машины видела?» — «Тише-тише, успокойся, успокойся. Если ты кому расскажешь, то помни: все мы здесь живем, расстреляют. Никто не должен знать, что случилось». Забор высокий трехметровый, покрашенный в зеленый, деревья сливаются, незаметно, лес, всё. «Ты молчи, не говори, всё». Он молчал долгие годы. Где-то около 1986 года примерно, 1986-м, возраст, умирает, надо сказать правду, что там находится. Вызвал священника, пришел: «Что случилось?» — «Просьба, сделай, выясни, кто там. Я своими глазами видел, там расстреляли людей. Машины возили ночью. Я видел. Пожалуйста». Священник [нрзб]. «Нет, я своими глазами видел. Мама приказала не говорить, а то нас всех расстреляют». — «Понял, понял, сделаем». Пришел [нрзб] Левашово, это как дачи, от Ленинграда 30 километров примерно. [Нрзб] вместе, как-то спокойнее. Пришли. Ворота открывать не хотели. Закрыто. Там специально были военные. А напротив через дорогу там была авиационная учеба, военные, их и не касается, что там [нрзб]. Потом решились в следующий раз, пригласили представителя местного и города, администрацию. Хочешь, не хочешь, требуют открыть. Пришли вместе, пришли, посмотрели, где что. Представитель специальный. Выкопали яму, сколько голов... Тела. С 1937 года. А это 1986-й. Увидели, другое место, третье место, там, там, там. Около 44 тысяч расстреляно — это не точно, но примерно. Все расстреляны с 1938-го до 1953 года расстреливали, меньше, меньше, но до 1953 года. Все узнали, потребовали список фамилий, кто здесь. Хочешь, не хочешь, у них есть, я видела своими глазами, книга вот такая. Фамилии. Я посмотрела — «3», нашла папу там, «Золот[ницкий]». Всё. Вот это причина... Откуда узнали, это важно, причина, что они скрывали. И не только местные с Ленинграда, разные, финские, и соседи, шведские, евреи, украинцы, с Польши приезжали сюда в Ленинград. Арестовали, всех туда. Всех-всех-всех бросали туда. Просто считали количество людей, план-то дали, расстрелять сколько надо. Сколько надо ГУЛАГу отправить. Это был у них план, задание. Люди виноваты, не виноваты [нрзб]. Я пришла в 2002 году, мало было, мало, [нрзб]. А попозже больше и больше. А последний раз я пришла в 2019 году [нрзб]. В 2019 году последний раз пришла, больше-больше-больше-больше. Это поставили в память: «Спасите меня» — глухих. Так больно мне было, обидно. Во-первых, что не догадались сделать, по бокам фамилии написать. Ничего. Глухонемые, а они поймут, не поймут, а фамилии кто там. Список — это важно очень. Надо было. А достаточно их в Доме культуры портрет с фамилией. Это в Доме глухих, я понимаю. А здесь [нрзб] люди приезжают все разные, видят, кто здесь. Это упустили. Спасибо этому человеку, спонсору, который деньги выделил. Художник глухонемой делал, всё, спасибо. Но меня не пригласили на мероприятие. Я дочь Золотницкого, единственная дочь, пока жива. Можно было пригласить на открытие. Этого не сделали. Очень некрасиво. Да, еще последнее я забыла сказать, Гинзбургский, который просил, его работу выполнили, зашла в музей. Газета «Волна», «Волна», ленинградская, выпускается специально для глухих. Там была фотография, пять, и папа. Я пошла к директору музея, попросила: «Найдите место, положить». — «Что вы! Нет-нет, посмотрите, заполнено всё, невозможно». — «Я вас понимаю прекрасно. Если захотите, найдете. Что вам место. Вы поймите правильно, я говорю, повторяю, глухие — это единственные во всем... Никто не знали, что случилось. Даже обвинили невиновных. Это все слышащие, говорящие». Смотрел, смотрел: «Мне вас жалко». — «Меня?» — «Вы так молитесь, просите: помогите». — «Да, да, я хочу вынести хоть немножко, что люди невиновные, а обвиняются». Согласился, стекло убрал, осторожно раздвинул, газету положил, места хватило, обратно стекло поставил. Я вдохнула... Да, я успокоилась. «Огромное спасибо! Вы почувствовали, по-человечески, понимаете. Была бы говорящая, я бы не просила, много таких потому что. Но глухие [нрзб] история, я хотела попросить, если туда будете ставить памятник, поставьте рядом с папой, площадка красивая, позволяет, с центра прямо, красивая». — «Хорошо». Когда поставили, я пришла, смотрю, далеко идти туда. Я им предложила здесь — нет, «посмотри, кто-то указывает, сами выберем». И место туда. И выбрали, так и осталось. Но сейчас больше-больше-больше ставят-ставят-ставят. Я когда приехала домой, к Гинзбургскому — он уже болен был — я показала фотографии. Ах, обрадовался! «Ты выполнила, сделала, — говорит, — маленькую мою работу, что это осталась память под стеклом. Всё спасибо, всё». А на следующий [день] он умер. Успела сделать. Гинзбургскому и его сыну память останется. Ему спасибо, что он [нрзб] отца, кто он. Проходит время, я смотрю, странное поведение... Главный редактор «В едином строю» журнал, специальный, ведет себя... Он меня знает с 1958 года. Ну

как вам сказать, я не знаю, почему у меня так получается, где бы я ни была, обязательно... Я не подчиняюсь. Им не нравится. Когда в 1974 году собрали переводчиков, здесь в Свердловске, 31, с районов, собрались, сидят. Приехали из Ленинграда, из Москвы представители, опытные сурдопереводчики проверить, как вы владеете мимикой, смотрите как, объясняете. Сидим, фамилии, вызывали, вызывали, пришла моя очередь. Я встала, попросила: «Немножечко погромче, только постарайтесь голову не поворачивать, если вы повернете, я переводить не смогу. Вы держите в сторону. Я могу переводить. Поговорите. Не слышу. Слышу. Вам не трудно нормально громко говорить [нрзб]?» Всё договорились. Вот она говорит, я переводила. Трое сидят: «У нее мимика рабочая». — «[Нрзб] почему рабочая?» — «Переводит странно». Я переводила, закончила. Интересно, из всех 31 я единственная получила пятерку. И самый лучший переводчик.

00:59:23

Вы когда-нибудь чувствовали плохое отношение к себе из-за того, что вы дочь врага народа? Может быть, куда-то не принимали вас из-за этого?

Началась блокада. [нрзб] мама запретила говорить, плохо понимают. А репрессированный — это враг народа, ты воровка, преступник и так далее. Грязное дело. Человеку плохо. Всегда узнавали, что мой папа [арестован], меня били, оскорбляли, всегда. Поэтому я не говорила на эту тему, молчала, что я была в блокаде, я не говорила. А выдумывать вранье всякое мне неприятно. На эту тему никогда не говорили, молчали. Старались не думать. А после этого случая Юра, брат, съездил в Ленинград, ему сказали: «Ты в блокаде был, иди хлопочи, ты блокадник, имеешь право на какие-то льготы». Зашел в администрацию города Ленинграда. Начали допрашивать, где жил, с кем жил, в каком году, подробно, всё. Он сказал: «У меня еще сестра есть, живет в Свердловске, ей тоже». — «Пусть она сама лично приедет, я с ней поговорю». Об этой теме всё, больше не говорили. Писем, ничего не было. Когда Гингзбургский рассказал, письмо получила, ты имеешь право, постановление, вот начали хлопотать. [нрзб] Всё. А там мужчина, [нрзб] рядом [нрзб] он рассказал дочери, что я имею право. Приехала: «Почему вы меня обманываете?» [нрзб] «Вы на эту тему не говорите, а документов у меня нету. Чем вы докажете, что у вас отца арестовали?» А откуда я знаю, что у меня арестовали, есть списки только. Я зашла в управление КГБ, рассказала, письмо получила, всё выдали. [Нрзб] Всё, признали меня. Это спустя два года 96 рублей каждый месяц платили, ты должна хлопотать. Но мне не хотелось. За эти два года [нрзб] просить 900, 900, мне противно. Сами должны были сказать честно: «Ты сходи возьми справку, что ты репрессирована невиновно». А ничего, ни слова не сказали, а я не знала. Прошло два года. Ну мне не хотелось хлопотать, в суд подавать, не хотелось. Всё. Сейчас я не знаю, сколько я получаю. Странно. В пенсию входит. В пенсию входит. Должен быть отдельно. А ленинградская блокада, что... Я не помню, какой год. Неожиданно в Ленинграде начали выдавать вторую пенсию, как за блокаду. У кого инвалидность 1-й, 2-й, 3-й [степени] есть, выдают, а инвалидности нет «не выдают. Сколько шума, скандалов, ругались все ужасно. Мне сказали: «У тебя есть 3-я группа, всё». Мама мало говорила, она не хочет вспоминать. «Это травма, — говорила, — я не хочу ничего, не обязательно тебе знать». Ну что-нибудь немножко от других я только узнавала. Вот только благодаря Гингзбургскому я письмо прочитала, что его допрашивали, как что. И вот Кисель — какой отец был. Нежный, чистюля. И я тоже чистюля.

01:02:49

Кто такой вообще Гингзбургский? Почему Гингзбургский так много времени уделял памяти отца? Расскажите о нем.

Я поняла. Просто он... Как сказать. Ну, совесть есть. Надо вынести, что люди пострадали, за что. Всем не касается, а он человек тогда благородный. Надо выяснить, в чем дело. Когда я разговаривала, он смотрел на меня. Я говорю: «Я не знаю... Не может быть, что папа террорист, во главе, пытался убить Жданова. Это смешно». В это время в городе не было Жданова, чтобы папа собирался террористический акт, чтобы его убить. Это шут. Я этому не верю». Вот так разговаривала в Доме культуры. Всё это разговоры. Он говорил: «Я обязательно вынесу, я хочу помочь, выяснить, за что, невиновный, им не интересно, а мне интересно. Вот ты жива пока, тебе хочется узнать, что с папой». Я говорю: «Да, да». Вот он решил, он пять лет дал ему, мы деньги собрали, послали, чтобы помочь, чем можно. [Нрзб] Всё, и душу отдал. А когда он умер, про него там написали, а про живых ничего не говорили, несправедливость.

01:04:12

А он был другом отца или коллегой? Гингзбургский был другом отца? Почему он так хлопотал? Он был другом папы?

Потому что он общался с этими людьми, близкие были, уже знал. Исчезли, за что? Исчезли, где они? Что случилось, интересно. Меня не тронули, а их нету, за что их арестовали? Вот он

интересовался. С папой дружил, работал вместе — и вдруг. А люди порядочные, честные, приносят большую пользу Обществу глухих. И вдруг исчезли. Что случилось? Какая причина, никто не знает. [Нрзб] компания, или как там, группа, террористическая группа занималась вредительством. Связана с Германией, террористический вред, всё. Эта группа. [Нрзб] я с ней дружу, а тебя арестовали, а ты ничего не знаешь, за что, я не поняла, что я делаю, я ничего не делала. Начинают это сочинять. Этого не было, я не делала [нрзб] Там, там, там кто-то догадался, написал записку, удалось незаметно подсунуть в проходе [нрзб] глухонемому, он прочитал и начал по своим [нрзб], предупредить: больше не указывать [тех, кто] на воле. Только у тебя рядом, скажи, он рядом с ним, он арестованный, а я с ним дружу, ты арестованный, я с ним дружу, всё. Прекратили. Вот остановили. Могли бы еще больше указывать. Надо было раньше предупредить, но не догадались. Поздно. Вот и всё. Вот это то, что я поняла. Это Гингзбургский вживую мне рассказывал. Я говорю: «Как так получилось?» — «Вот так получилось». Всё больше, больше. А это, видимо, приостановили, я думаю, я предполагаю, что поэтому остались живые. Вот маму мою отправили за то, что она замужем...Террорист, главарь, назвали его. Там было написано.

01:06:33

А с кого вообще началось это дело глухонемых? С какого человека, может быть, вы знаете, с чего вообще началось? Вот самый первый случай, а потом, видимо, уже пришли к его знакомым.

А это первые... Вот фотография. Тотмянин, наверное, здесь, я не знаю. Тотмянин. Вот это первый, вот виноват он. Гингзбургский сказал, что Тотмянин Эрик председатель города Ленинграда. Ему было стыдно, что молодые ребята занимаются открытками, надо идти на завод работать. [Нрзб] А на вокзале продают открытки, любовные, разные. Стыдно ему. Он написал, попросил... НКВД попросил: «Возьмите ребят на перевоспитание, накажите». — «Хорошо, хорошо». Действительно, на вокзале арестовали. [Нрзб] пришли домой, обследовали, открыток много нашли. А вот [нрзб] единственный, у кого нашли открытки немецкие — Гитлер. А он говорит: «Здесь жил Блюм, он из Германии приехал в 1933 году, до 1937 года здесь жил в Ленинграде. А сигареты он всегда заказывал, привозили немецкие сигареты. А в конверт, в конверт вложена открытка с Гитлером». — «А, связан с террористическими...» Он взял и начал печатать, напечатал, кто-то говорит, три звезды, три звезды, я не знаю. В доме нашли, всё. Всех связывали «Я не связан, у меня связей нет». Вместе, одинаковые открыточки, вот посадили. Всех расстреляли. Их, я не знаю... Подожди. Статников, Статников. По-моему, я шла в Левашово, там на земле лежит Статникова. Единственное. Родители, видимо, сын или дочь, я не знаю, поставили маленькое, [нрзб] на земле. Я помню... В 2002 году. Глухонемой, написано, Статников. А потом я пошла, папы место нашла, прибила. Вот это. Остальные — нету, ничего нету. Даже в списке нету Статникова, не указан. А его расстреляли. Вот такая причина. Не надо было [нрзб], не надо было жаловаться. Сами могли бы членов Общества глухих, активистов собрать, молодых ребят, общественность собрать, пригласить ребят и сказать: «Ребята, прекратите безобразия. Продавать на вокзале. Не позорьте нас. Можно на заводе работать, что-нибудь, а вы продаете». Надо было у себя дома. Все были бы живые, здоровые, все бы. И самого его расстреляли. Пожаловался — тебя расстреляли [нрзб].

01:09:55

То есть в принципе он донос осуществил, да?

Да.

01:09:58

Хотел как лучше, некую правду сказать. А кем он был для этих глухонемых людей?

Вот я... Вот я спрашивала Гингзбургского, как, как так получилось, что случилось? [Нрзб] председатель виноват, не надо было жалобу писать. Это он узнал из архива. Написано, как узнали, что случилось. Повинен этот Тотмянин, это он написал письмо. Вот это он узнал. А до этого не знали, что случилось. Это его вина. Это дословно Гингзбургский сказал. Только благодаря ему, Гингзбургскому, в архиве он узнал, это он виноват, что все пострадали невинные люди. Это самое главное.

01:10:49

Скажите, а кого еще вы вините в расстреле отца?

Ну кого я...

01:10:57

Ну я, скорее, имею в виду Сталина, репрессии, которые он устроил, вот этот террор. Какое у вас чувство к той власти, которая на тот момент такое делала с людьми? Непонятно?

Нет, я поняла. Не могу ответить... [Нрзб] У меня вот такая жизнь, двойная: с глухонемыми, со слышащими. Вот я нейтральна. Держу себя как... Замкнутая. Осторожно. Я имею в виду, Сталина я понимаю, как... Маленькая я не понимала, но взрослая... Снаружи всё было хорошо, а внутрь... Пострадал мой отец. По его вине. А может быть, он не знает [нрзб] человека. Там люди другие. Всё сваливать на Сталина я не хочу. Мы жили сверху нормально, хорошо. Моя личная [жизнь] как относится? К Сталину не относится. Это наши чиновники и руководители, всё. Поэтому я ноль внимания, не обращала. А повзрослела, уже всё, обидно, но почему именно этот виноват? Это виноват наш руководитель, глухонемых председатель. Он написал. Если бы он не написал, никто бы не пострадал. Потому что я сама чувствую, что я нормально. Да, я пострадала. Не единственный человек. Откуда я знаю, кто это там где? Кто дал указ? У них много врагов было, у Сталина, это специально на вред делали. Там что-то... Вот он знает, что этот, вот накажи его, накажи его — нет этого. Я книгу читала. Гинзбург. Страшная, тяжелая книга про женщину, она из Казани, учительница. Как она вынесла всё это. Она говорит: «Я никого не хочу осуждать. Такая судьба. Такой порядок». Не только один Сталин, а многие, [нрзб], многие завистливые. Гадят, гадят, гадят только, в чиновниках, ведь и сейчас тоже самое. Я на себе испытала. Я ничего плохого не делала, а чего вы завидуете? Молодец, ты мне помогаешь и поддерживаешь — это хорошо, нет — наоборот. «Не пускай ее в Дом культуры. [Нрзб] переводить, там деньги платят, а тебе зачем?» Бесплатно. Юра получал деньги, брат. Его нету, а мне доплатите как руководителю художественной самодеятельности. Мне не платили, четыре года я бесплатно создавала художественную самодеятельность. Ничего, я не обращала внимания. Это наши только. А причем тут Сталин? Нет. Я так считаю. Потому что папа — повинен Тотмянин. Если бы он не написал, не было бы, ничего не случилось бы. А что случилось — мы маленькие люди. Я так считаю.